

Научная статья

УДК 141

doi: 10.17223/1998863X/87/7

ИСТОРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В ФИЛОСОФИИ М.М. РУБИНШТЕЙНА

Михаил Юрьевич Загирняк

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
MZagirnyak@kantiana.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено, как Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878–1953) истолковал понятие исторического субъекта. Установлено, что в философии Рубинштейна нация и народ – это формы исторического субъекта и стадии его развития. Проанализирован способ их различения. Представлено, каким образом Рубинштейн обосновал равенство национальных культур, показаны современность и актуальность его понятия исторического субъекта.

Ключевые слова: неокантианство, общество, народ, нация, история культуры

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00651 «Онтология нации в русском неокантианстве», <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>

Выражаю благодарность директору музея истории Усольского края имени И.Н. Ульянова Ольге Фёдоровне Лисиной за помощь в поиске статьи В.Н. Шульгина.

Для цитирования: Загирняк М.Ю. Исторический субъект в философии М.М. Рубинштейна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 72–81. doi: 10.17223/1998863X/87/7

Original article

THE HISTORICAL SUBJECT IN MOSES RUBINSTEIN'S PHILOSOPHY

Mikhail Yu. Zagirnyak

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
MZagirnyak@kantiana.ru*

Abstract. Moses Rubinstein (Moisey Rubinshteyn) (1878–1953) developed his own philosophical and pedagogical teachings based on Heinrich Rickert's axiology. According to Rubinstein's teachings, the history of humanity is a process of embodying eternal values (transcendent objects), which are fundamentally inaccessible to cognition, in the form of material culture. Individuals and collective entities (historical subjects) participate in the creation of culture. The historical subject in Rubinstein's philosophy remains understudied in the research literature. This article establishes how Rubinstein interpreted the historical subject. The content of culture is shaped by personalities – people who have overcome selfishness and become free. Rubinstein contrasts selfishness and morality as manifestations of nature and freedom, using Kant's anti-naturalistic justification of freedom to substantiate them. By overcoming selfishness, an individual becomes a personality. Similarly, the collective subject, the community, develops from a nation to a people. The nation precedes the people and, based on the natural similarities of the origins of the people who make up the community, forms a unity – a collective subject that creates culture. Encouraging national egoism, which manifests itself in the recognition of one's own nation as an eternal value superior to other nations, leads to national hostility and the cultivation of xenophobia. If a

nation overcomes selfishness, it is transformed into a people – a historical entity that recognizes moral ideals as eternal values, through which it views timeless values and proposes variations of their embodiment in reality. Peoples reject the idea of the superiority of one national culture over others: they are all equal and open to interaction and cooperation. According to Rubinstein, the history of humanity is a multitude of national cultures. Rubinstein believes that historical subjects evolve from nations to peoples, and in the long run, this will lead to the rejection of war. The concept of the historical subject in Rubinstein's philosophy is relevant in the modern world, allowing us to justify the freedom and equality of all national cultures.

Keywords: neo-Kantianism, society, people, nation, history of culture

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00651, <https://rscf.ru/project/24-18-00651/>

I would like to express my gratitude to Olga Fedorovna Lisina, Director of the I.N. Ulyanov Museum of the History of the Usolsky Region, for her assistance with finding an article by V.N. Shulgin.

For citation: Zagirnyak, M.Yu. (2025) The historical subject in Moses Rubinstein's philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 72–81. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/7

Моисей Матвеевич Рубинштейн (1878–1953) – известный российский и советский педагог и философ. Под руководством Генриха Риккерта в 1906 г. защитил диссертацию [1] и в дальнейшем творчестве опирался на его аксиологию¹. Всё творчество Рубинштейна можно разделить на два этапа: 1) с 1906 по 1929 г. он опубликовал основные труды²; 2) с 1929 г. и до самой смерти он изредка публиковался в малоизвестных изданиях³. Резкая перемена жизни и работы произошла после разгромной критики в конце 1920-х гг.⁴ Рубинштейна причислили к сторонникам *дооктябрьской* педагогики [7. С. 86].

Пик творчества Рубинштейна – работа «О смысле жизни», опубликованная в двух томах в 1927 г. [8, 9], привлёкшая внимание критиков и ставшая по сути переломным моментом в творчестве философа. Критические обзоры в советской и зарубежной исследовательской литературе сходились в том замечании, что свободная личность является условием существования культуры и более того – условием бытия человека. В советской критике антропоцентризм Рубинштейна попал под разгромную критику: причислен к сторонникам *старой идеалистической чепухи*, потому что предлагает *вздорный* подход к личности в педагогике, не учитывая идею классовой борьбы [7. С. 79]. Представители русского зарубежья В.В. Зеньковский⁵ и Д.Н. Чижев-

¹ Следует заметить, что Рубинштейн называл себя *ортодоксальным риккертianцем* и анализировал эвристические возможности гносеологического субъекта Риккерта [2. С. 35]. Замечу, что С.Л. Франк однозначно относил Рубинштейна к риккертianцам [3. С. 201].

² Библиографию работ Рубинштейна см.: [4].

³ Приведу такие примеры: [5, 6].

⁴ Приведу полностью высказывание В.Н. Шульгина, который цитирует Рубинштейна и оставляет замечательный во всех отношениях комментарий: «„Быть нравственным – это значит не только быть цельной ценной личностью, верной главному критерию нравственности, *своей чуткой совестью*, но это значит также быть нравственным и деятельным в качестве сочлена известного сообщества“. Нет, нет, проф. Мы не признаём внеклассовой нравственности. Не можем даже упрекнуть вас в „бессовестном“ извращении наших позиций, так как не верим и в совесть. Для нас нравственность иное». [7. С. 82].

⁵ «Центральной проблемой для него является человек, а в человеке его центральная сила – способность к творчеству» [10. С. 864]. Справедливости ради отмечу, что В.В. Зеньковский признавал неполноту и недостаточное погружение в двухтомную работу Рубинштейна, так как не ознакомился с ним, а опирался на её критический разбор, сделанный Д.Н. Чижевским [10. С. 864].

ский¹ посчитали, что Рубинштейн в собственном антропоцентрическом учении отошёл от принципов неокантианства [11. С. 505–506]. Все критики, современники Рубинштейна, упускают из виду его понятие исторического субъекта, которое занимает важное место в его философии истории.

Современные исследователи философии и педагогики Рубинштейна также мало уделяют внимание его понятию исторического субъекта. Т. Немец сосредоточен на его трактовке трансцендентного [12. Р. 265–269]. К.В. Фараджев рассматривает особенности понимания свободы человека в философии Рубинштейна [13. С. 23, 29, 34; 14. С. 197–200]. Проблемы коллективного субъекта затрагивает М.В. Воробьёв, но она скорее служит фоном для анализа личностной педагогики Рубинштейна [15. С. 51–55]. В этой статье я впервые специально исследую понятие исторического субъекта в философии Рубинштейна.

К понятию народа как исторического субъекта Рубинштейн обращается в диссертации, в которой с позиции аксиологии Риккерта критикует понятие конца истории у Гегеля, в частности – его трактовки исторического развития как череды народов, каждый из которых становится в своё время инструментом реализации целей Мирового духа [1. С. 49]. Народы появляются и исчезают, служа в соответствующий хронологический период средством для Мирового духа и утрачивая самостоятельное значение². Переосмыслить народ как исторического субъекта, по мнению Рубинштейна, можно, если соединить гегелевское понятие истории с теорией ценностей [1. С. 65]. Народы являются историческими субъектами потому, что осуществляют ценности – создают социокультурную действительность. Тем самым Рубинштейн занимает промежуточное положение между теорией линейной истории, поскольку считает, что ценности универсальны для любого народа, и теорией локальных культур, так как отстаивает уникальность каждого народа – исторического субъекта.

Однако выполнять свою роль народы могут только в случае, если входящие в их состав люди будут свободны: Рубинштейн считает свободу человека важнейшим условием возможности истории вообще и подвергает критике Гегеля за то, что «его система не оставляла места для свободной автономной личности» [1. С. 108]. Другими словами, не народ осуществляет ценности в действительности, а люди, входящие в состав данного народа.

В последующих работах Рубинштейн отстаивал идею исторического субъекта как развивающейся от естественного к свободному состоянию социальной общности. Он посвящает отдельную статью исследованию путей развития русского народа и связывает их с ростом свободы личности [16. С. 182–184]. Социальная общность может развиваться, считает Рубинштейн и отмечает, что «народ живёт и растёт, растёт и его сознание, растут и его требования и идеалы» [17. С. 423].

¹ «Исходя из проблемы личности, автор пытается дать оправдание Жизни во всей её полноте и конкретности. Такое оправдание возможно только на почве целостной системы философии, какую автор вкратце и развивает» [11. С. 506].

² «Он позволяет избранному народу раскрыть весь свой потенциал и все свои способности в полной мере. Достигнув этого, он сходит со сцены истории. Вершины, достигнутые им после вековой борьбы, одновременно знаменуют для избранного народа смертный час. Он гибнет, и Мировой дух, не заботясь об их судьбе, воздвигает нового фаворита, который наносит смертельный удар их ушедшему предшественнику» [1. С. 49].

Материальную культуру создают не просто множества отдельных людей, но формируемые ими коллективные, исторические субъекты – *нации и народы*. В этой статье я хотел бы проанализировать их. Чтобы это сделать, требуется предварительно узнать, что такое свобода в философии Рубинштейна и как именно он понимал историю. Кратко рассмотрю идеи И. Канта и Г. Риккерта, которые позволят ответить на два предварительных вопроса.

Рубинштейн примыкал к антинатуралистической практической философии Канта, в которой свобода определяется в сравнении с природой. Человек, по Канту, принадлежит миру природы, подчиняясь её законам, и миру свободы – потому что может помыслить причинность собственной воли [18. С. 232–233]. Свободу Кант определяет как возможность следования долгу [18. С. 211], который связывает нравственность с социальностью – определяет критерий создания сферы бытия человека, отличной от природы [18. С. 212]. С точки зрения Канта, свобода человека – это условие возможности общества и как следствие – создаваемого человеком мира коллективного бытия. Кантовская антинатуралистическая этика долга как основа социальности становится основой антропоцентрической тенденции в баденском неокантианстве. Кантовское различие природного и свободного Риккерт актуализировал на плоскости аксиологии: он разделил бытие на действительность, существующую по природным законам, и ценность, сферу вечных трансцендентных объектов, которые содержат в себе потенциал всей материальной культуры человечества [19. С. 21–24]. Соединяя ценность (идею) с действительностью (материей), человек производит *смысл* – создаёт сферу свободного бытия [19. С. 35–36]. Открывая для себя ценности и воплощая их в действительности¹, человек получает возможность ставить себе цели, отличные от природных; он создаёт материальную культуру [20. С. 90–92]. История человечества – это история культуры, увеличивающейся по мере воплощения ценностей [20. С. 92].

Противоположность природы и свободы служит для Рубинштейна методологическим принципом в обосновании социокультурного процесса. «В природе дан материал, она есть факт, но в ней нет идеала, она чужда нормам, оценкам, в природе всё решается на почве голой борьбы совершенно обнажённых инстинктов...», – пишет он [21. С. 2]. Человек создаёт сферу бытия, преодолевая природный детерминизм; он использует естественный материал для создания культуры. Каким образом он это делает?

Свобода – это выход за пределы естественного детерминизма, который проявляется в том числе как *эгоизм* – сосредоточенности только на собственных индивидуальных потребностях; эгоизм уводит человека от свободной жизни к природе. Для преодоления эгоизма необходимо сосредоточиться на общем. «То, что мы признаём нравственным, всегда стремится приобрести общее значение», – пишет Рубинштейн [22. С. 3]. Нравственный идеал может иметь только общечеловеческое значение [22. С. 4].

Вневременные ценности, рассматриваемые сквозь призму нравственного идеала, играют роль ориентиров: задают координаты свободного бытия челове-

¹ Предваряя возможные уточнения, замечу, что ценность, трансцендентный объект, является непознаваемой, и человек способен осознать только её отдельные аспекты, которые могут быть реализованы в действительности. Однако содержательно во всей полноте ценности остаются принципиально непознаваемыми.

ка. Из среды обитания, встроенным элементом которой отдельный человек являлся, природа становится материалом для строительства собственной среды обитания, культуры. Открыв для себя ценности, отдельный человек получил возможность сформировать бытие собственной причинности – производную его воли. Воплощая ценности, человек становится *личностью*: «Личность не дар природы, а дитя человеческой духовной свободы, пользуясь которой, человек как бы в противовес природе творит себя» [21. С. 16]. И это бытие содержательно будет представлять собой материальную культуру.

Но автономно от других, без их помощи, участия личность не может создать сферу свободного бытия. Содержательная безграничность ценностей открывает для индивида его ограниченность; он оценивает объём потенциального вклада в воплощение ценностей. В одиночку человек может воплотить только элемент ценности, который имеет смысл только вместе с остальными элементами, актуализированными другими личностями. Другими словами, по Рубинштейну, свобода включает в себя социальность – переосмысление себя и остальных людей в качестве личностей, соучастников формирования свободного бытия. Открытие ценностей добра, красоты, истины и стремление их воплотить в действительность возможны только в статусе участника общества. Таким образом, становясь личностями, люди входят в состояние свободы, становятся создателями материальной культуры: «Природа и естество в чистом виде этого слова личности не знают, она есть детище, возвращенное и выношенное искусственным, *культурным* развитием, так что культура и личность оказываются двумя понятиями, немислимыми друг без друга» [21. С. 15–16, 19].

Однако культуру создаёт не множество личностей непосредственно, но их единство. «В первоначальном своём виде понятие нации, как и показывает самое слово, должно было охватывать общество людей, объединённых общим родовым происхождением и неизбежно вытекавшей отсюда общностью языка и религии» [23. С. 44]. Это особая психологическая группа, к которой принадлежат люди [24. С. 399]. Развитие культуры зависит не только от личностей, но и от нации, общность не эквивалентна совокупности личностей, но качественно отличается от них. Каким же образом нация определяет цель развития? Рубинштейн считает, что её исторический путь зависит от отношения к нравственному идеалу, от того, поощряется / преодолевается ли *эгоизм* [25. С. 14; 24. С. 405]. Подобно отдельному индивиду, отдельный исторический субъект может замкнуться на своих потребностях либо сосредоточиться на вечных ценностях.

Особенность понятия исторического субъекта в философии Рубинштейна заключается в том, что он ставит его существование в прямую зависимость от свободы каждого отдельного человека. Рубинштейн далёк от абсолютного идеализма Гегеля и отмечает значение каждого отдельного человека в истории, не отводя ему роль безвольного элемента. Наоборот, Рубинштейн подчёркивает, что свобода – это условие существования истории. А социокультурный процесс представляет собой взаимодействие индивидов и общностей в процессе их эволюции от естественного состояния к свободному. История человечества – это путь постепенного самоопределения в лице «частных и коллективных индивидуальностей» [9. С. 184], которые не подчинены, но взаимно обуславливают бытие друг друга [9. С. 187]. И характер

их сосуществования определяется тем, какую форму принимает исторический субъект – форму народа (естественное состояние) или нации (свободное состояние). Следует заметить, что эволюцию социальной общности от естественного к свободному состоянию Рубинштейн рассмотрел уже в 1913 г., однако ещё не ввёл различение нации и народа [26. С. 100–101].

Если в бытии нации поощряется эгоизм, то она сосредоточена на самосохранении, которое вырастает в идею превосходства над другими нациями. Сохранение и утверждение общности по признаку исключительного *естественного* происхождения ставится превыше нравственного идеала и вневременных ценностей. Нация – это *божок, на алтаре которого умрут общечеловеческие мечты* [24. С. 395]. Ради поддержания жизнеспособности нации можно подвергнуть сомнению ценность *любой* человеческой жизни и свободы, что привело к катастрофическим последствиям, которые раскрылись в Первой мировой войне: «Образованные народы обнаружили такой размах не только воинственности, но и уничтожения и использования всякого рода незаконных бесчеловечных губительных средств, что мир застонал от ужаса и отвращения» [25. С. 2]¹. Ориентация на национальный идеал приводит к *националистическому удушью, мучительной астме в жизни народов* [24. С. 392]. Человечество в случае предпочтения национализма превращается в противоборство замкнутых разобщённых кругов [24. С. 394] к многочисленным войнам [27. С. 5].

Если в бытии нации преодолевается эгоизм, т.е. *естественные* особенности происхождения перестают играть роль важнейшего фактора идентификации индивида и общественного единения, то общность преобразуется в *народ*, «сплочённую вокруг государственного ядра сравнительно разнородную массу» [24. С. 394], «совокупность массы постоянных граждан данного государства» [24. С. 400]. Народ не является отрицанием, отказом от национальных черт, но не ставит их во главу угла [24. С. 404]. Множество индивидов формируют народное единство в качестве участников осуществления нравственного идеала свободы, через который интерпретируются трансцендентные ценности и таким образом определяется общая траектория развития культуры. «Как индивиды группируются в семьи, семьи в общества, общества в народы, так и народы должны составить живую всеохватывающую семью соответственно идее человечества. А над всем в конце концов должно воссиять вечное, незыблемое, сверхмировое...», – пишет Рубинштейн [24. С. 404].

Именно народ, а не нация способен сформировать *патриотизм*, научить ценить историю национальной культуры как вариант воплощения вневременных ценностей, охватывающий много поколений людей [24. С. 411]. *Patria* – это не только пространство, но и духовное единство, связывающее ныне живущих людей с предками и потомками, это прошлое, настоящее и будущее культуры, ведь «мы стоим на плечах целого ряда предшествующих поколений, через всю нашу жизнь тянутся нити, сотканные руками наших предков, пропитанные соком, потом и кровью живых, близких нам людей» [24. С. 412]. Цени и храня свою национальную культуру, народ не претендует

¹ Ср.: «Мир застонал от негодования, созерцая то, что творили германцы, но ведь они действительно культурны, а всё дело только в том, что там, у них, национализм, гордый, слепой и, как всегда, жестокий, проявил себя, ничем не сдерживаемый, с немецкой основательностью» [24. С. 393].

на превосходство над другими культурами, но считает их достижениями других народов – версиями воплощения вневременных ценностей.

Рубинштейн не только противопоставляет народ и нацию, но и рассматривает их как стадии развития исторического субъекта. Нации сменяются народами, и враждебность на международном уровне вытесняется постепенно сотрудничеством, ксенофобия остаётся в прошлом. Человечество постепенно движется к миру свободных, равных друг другу коллективных субъектов, и Рубинштейн надеется, что мечта станет действительностью и водворится мир на земле [24. С. 416].

В настоящей статье показано, как Рубинштейн истолковал исторического субъекта. Как и отдельный человек, он учится быть свободным, преодолевать естественный эгоизм. Индивид, открывая для себя свободное бытие, становится личностью, участником социума, признаёт себя одним из представителей общности, равного остальным. В двухтомной работе «О смысле жизни» Рубинштейн использует термин «народно-национальная социальная индивидуальность» для обозначения исторического субъекта, который имеет значение «не только для себя, но и для человечества и всей мировой, универсальной жизни» [9. С. 181]. Нация, преодолевая эгоизм, становится народом и как следствие признаёт других исторических субъектов в качестве равных участников международных взаимодействий. Рубинштейн подчёркивает, что реальность социальной индивидуальности гарантируется частной индивидуальностью – личностью, включённую в него [9. С. 182].

Трактовка истории сквозь призму теории ценностей Риккерта позволила Рубинштейну рассматривать человеческую культуру как результат совместного творчества людей, обеспечиваемого благодаря нациям / народам как историческим субъектам. Каждый человек, становясь свободным, тем самым обретает статус участника народа и берёт на себя ответственность за историю человечества. Развиваясь от нации к народу, исторический субъект улучшает условия для индивидов, создавая возможности для более эффективного участия в воплощении ценностей в действительность. Без любого свободного человека культура человечества становится иной, меняет свой облик, потому что исчезает та крупница личного творчества, которую этот отдельный человек привнёс в общемировое содержание. Аксиологическая интерпретация истории позволяет Рубинштейну обосновать свободу отдельного человека в качестве условия возможности истории человечества, сделав его незаменимым со-творцом культуры.

Список литературы

1. *Rubinstein M.* Die logischen Grundlagen des Hegelschen Systems und das Ende der Geschichte // *Kant-Studien*. 1906. № 11. С. 40–108.
2. *Рубинштейн М.М.* К вопросу о трансцендентной реальности // *Вопросы философии и психологии*. 1911. Кн. (I) 106. С. 19–54.
3. *Франк С.Л.* М.М. Рубинштейн. Идея личности как основа мировоззрения. Критико-философский очерк. М., 1909. С. 125 (рецензия) // *Русская мысль*. 1909. Кн. 8. С. 200–201.
4. *Фараджев К.В.* Список основных трудов М.М. Рубинштейна // *Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Т. 2 / под ред. Н.С. Плотникова, К.В. Фараджева. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 358–364.*
5. *Рубинштейн М.М.* Каким должен быть наш молодой учёный (В порядке обсуждения) // *За промышленные кадры*. 1934. № 8 (58). С. 36–41.

6. Рубинштейн М.М. Культура труда. Об отличниках // За промышленные кадры. 1935. № 21 (95). С. 54–57.
7. Шульгин В.Н. Педагогика туманной реакции // Проблемы научной педагогики. Сборник первый. Педагогика и ее методология. М. : Изд-во Науч.-пед. ин-та методов школьной работы, 1928. С. 77–86.
8. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Ч. 1: Историко-критические очерки. Л. : Изд. авт. (М.М. Рубинштейн), 1927.
9. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Ч. 2: Философия человека. Л. : Изд. авт. (М.М. Рубинштейн), 1927.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. М. : Академический проект, Раритет, 2001.
11. Чижевский Д.Н. Философские искания в современной России // Современные записки. 1928. Кн. XXXVII. С. 501–524.
12. Nemeth T. Russian Neo-Kantianism. Emergence, Dissemination, and Dissolution. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2022.
13. Фараджев К.В. Философия и жизнь Моисея Рубинштейна // Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Т. 1 / под ред. Н.С. Плотникова, К.В. Фараджева. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2008. С. 7–40.
14. Faradzhev K. M. Rubinsteins Projekt der praktischen Philosophie des Neukantianismus: Pädagogik als angewandtes Wertesystem // Kant-Studien. 2011. № 102 (2), S. 191–201.
15. Воробьев М.В. Проблема правосознания на раннем этапе развития личности в философии педагогики русских неокантианцев // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 2. С. 46–57.
16. Рубинштейн М.М. Философия и общественная жизнь в России: Набросок // Русская мысль. 1909. № 3 (2-я паг.) С. 180–190.
17. Рубинштейн М.М. Педагогика или педагогическая психология? // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. (III). 113. С. 418–436.
18. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Сочинения : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 153–246.
19. Риккерт Г. О понятии философии // Науки о природе и науки о духе. М. : Республика, 1998. С. 13–42.
20. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. С. 43–128.
21. Рубинштейн М.М. О целях и принципах педагогики // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. (I) 116. С. 1–38.
22. Рубинштейн М.М. Нравственный характер и пути к его воспитанию // Вестник воспитания. 1913. № 2. С. 1–62.
23. Рубинштейн М.М. Война и идеал воспитания (К вопросу о национализме в педагогике) // Вестник воспитания. 1916. № 3. С. 32–72.
24. Рубинштейн М.М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. 3-е изд., пересмотр. и доп. М. : За друга, 1920.
25. Рубинштейн М.М. Современное образование и нравственность // Вестник воспитания. 1917. Вып. 1. С. 1–45.
26. Рубинштейн М.М. О религиозном воспитании // Вестник воспитания. 1913. № 1. С. 75–123.
27. Рубинштейн М.М. Война и дети // Вестник воспитания. 1915. № 2. С. 1–32.

References

1. Rubinstein, M. (1906) Die logischen Grundlagen des Hegelschen Systems und das Ende der Geschichte. *Kant-Studien*. 11. pp. 40–108.
2. Rubinstein, M.M. (1911) K voprosu o transtsendentnoy real'nosti [On the transcendent reality]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. I(106). pp. 19–54.
3. Frank, S.L. (1909) M.M. Rubinshteyn. Ideya lichnosti, kak osnova mirovozzreniya. Kritiko-filosofskiy ocherk. M., 1909 g. S. 125. (retsenziya) [M.M. Rubinshtein. The Idea of Personality as the Basis of a Worldview. A Critical-Philosophical Essay. M., 1909. p. 125. (review)]. *Russkaya mysl'*. 8. pp. 200–201.
4. Faradzhev, K.V. (2008) Spisok osnovnykh trudov M.M. Rubinshteyna [A list of M.M. Rubinshtein's principal works]. In: Rubinstein, M.M. *O smysle zhizni. Trudy po filosofii*

tsennosti, teorii obrazovaniya i universitetskemu voprosu [On the Meaning of Life. Works on the Philosophy of Value, Theory of Education, and the University Question]. Vol. 2. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 358–364.

5. Rubinstein, M.M. (1934) Kakim dolzhen byt' nash molodoy uchenyy (V poryadke obsuzhdeniya) [What should our young scientist be like? (for discussion)]. *Za promyshlennye kadry*. 8(58). pp. 36–41.

6. Rubinstein, M.M. (1935) Kul'tura truda. Ob otlichnikakh [The culture of labor. On outstanding workers]. *Za promyshlennye kadry*. 21(95). pp. 54–57.

7. Shulgin, V.N. (1928) Pedagogika tumannoy reaksii [The pedagogy of murky reaction]. In: *Problemy nauchnoy pedagogiki. Sbornik pervyy. Pedagogika i ee metodologiya* [Problems of Scientific Pedagogy. First Collection. Pedagogy and its Methodology]. Moscow: Scientific-Pedagogical Institute of Methods for School Work. pp. 77–86.

8. Rubinstein, M.M. (1927a) *O smysle zhizni* [On the Meaning of Life]. Vol. 1. Leningrad: M.M. Rubinstein.

9. Rubinstein, M.M. (1927b) *O smysle zhizni* [On the Meaning of Life]. Vol. 2. Leningrad: M.M. Rubinstein.

10. Zenkovskiy, V.V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt, Raritet.

11. Chizhevskiy, D.N. (1928) Filosofskie iskanija v sovremennoy Rossii [Philosophical Inquiries in Contemporary Russia]. *Sovremennye zapiski*. XXXVII. pp. 501–524.

12. Nemeth, T. (2022) *Russian Neo-Kantianism. Emergence, Dissemination, and Dissolution*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH.

13. Faradzhev, K.V. (2008) Filosofiya i zhizn' Moiseya Rubinshteyna [The philosophy and life of Moisei Rubinshtein]. In: Rubinstein, M.M. *O smysle zhizni. Trudy po filosofii tsennosti, teorii obrazovaniya i universitetskemu voprosu* [On the Meaning of Life. Works on the Philosophy of Value, Theory of Education, and the University Question]. Vol. 1. Moscow: Territoriya budushchego. pp. 7–40.

14. Faradzhev, K. (2011) M. Rubinsteins Projekt der praktischen Philosophie des Neukantianismus: Pädagogik als angewandtes Wertesystem. *Kant-Studien*. 102(2). pp. 191–201.

15. Vorobiev, M.V. (2018) Problema pravosoznaniya na rannem etape razvitiya lichnosti v filosofii pedagogiki russkikh neokantiantsev [The Problem of Legal Consciousness at the Early Stage of Personality Development in the Philosophy of Pedagogy of Russian Neo-Kantians]. *Kantovskiy sbornik*. 37(2). pp. 46–57.

16. Rubinstein, M.M. (1909) Filosofiya i obshchestvennaya zhizn' v Rossii: Nabrosok [Philosophy and Social Life in Russia: A Sketch]. *Russkaya mysl'*. 3(2) pp. 180–190.

17. Rubinstein, M.M. (1912) Pedagogika ili pedagogicheskaya psikhologiya? [Pedagogy or Pedagogical Psychology?]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. III(113). pp. 418–436.

18. Kant, I. (1994) *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 8 vols]. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Choro. pp. 153–246.

19. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o dukhe* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 13–42.

20. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o dukhe* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 43–128.

21. Rubinstein, M.M. (1913a) O tselyakh i printsipakh pedagogiki [On the Aims and Principles of Pedagogy]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. I(116). pp. 1–38.

22. Rubinstein, M.M. (1913b) Nravstvennyy kharakter i puti k ego vospitaniyu [Moral Character and the Paths to its Cultivation]. *Vestnik vospitaniya*. 2. pp. 1–62.

23. Rubinstein, M.M. (1916) Voyna i ideal vospitaniya (K voprosu o natsionalizme v pedagogike) [War and the Ideal of Education (On Nationalism in Pedagogy)]. *Vestnik vospitaniya*. 3. pp. 32–72.

24. Rubinstein, M.M. (1920) *Ocherk pedagogicheskoy psikhologii v svyazi s obshchey pedagogikoy* [An Outline of Pedagogical Psychology in Connection with General Pedagogy]. 3rd ed. Moscow: Zadruga.

25. Rubinstein, M.M. (1917) Sovremennoe obrazovanie i нравstvennost' [Contemporary Education and Morality]. *Vestnik vospitaniya*. 1. pp. 1–45.

26. Rubinstein, M.M. (1913c) O religioznom vospitanii [On Religious Education]. *Vestnik vospitaniya*. 1. pp. 75–123.

27. Rubinstein, M.M. (1915) Voyna i deti [War and Children]. *Vestnik vospitaniya*. 2. pp. 1–32.

Сведения об авторе:

Загирняк М.Ю. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник образовательного-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия). E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zagirnyak M.Yu. – Dr. Sci. (Philosophy), leading researcher at the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.06.2025;
одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 28.06.2025;
approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 24.10.2025*